

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — б.
 безъ дост. . . . 5 » — »
 На полгода. . . . . 3 » 50 »
 На три мѣсяца. . . . . 2 » — »

Редакція: Малая Подъячская, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Воронежъ. Н. Капустиной. —
 II. Дума. (Стих.). Н. Панова. — III. Моя няня. Е.
 Григорова.

ВОРОНЕЖЪ.

I.

ВУЛЯЯ по Воронежу, смотря изъ окна то на шумную, то на тихую улицу, спрашивала я сама себя, что было прежде на мѣстѣ этихъ прямыхъ мощеныхъ улицъ, магазиновъ, домовъ? Можетъ быть былъ дремучій лѣсъ, болото, какъ на мѣстѣ Петербурга, или ровная степь... Я жила одно время въ Воронежѣ, и не разъ рождался у меня вопросъ: чѣмъ былъ прежде этотъ красивый городъ, раскинутый по кру-

тымъ берегамъ рѣки Воронежа. Что было тутъ при Иванѣ Грозномъ, при Петрѣ Великомъ? И вотъ что разузнала я отъ знающихъ людей и изъ книгъ.

Во время Ивана Грознаго Воронежа не было. На мѣстѣ его, на обрывистомъ берегу рѣки Воронежа высились одни песчаные уступы, да кругомъ темнѣли лѣса, отражаясь въ глубокихъ водахъ. По другому берегу рѣки тянулись степи. И теперь еще мало деревень на немъ попадается, а тогда была одна пустыня.

Временами степь оживлялась громкими криками наѣзтниковъ, топотомъ и ржаньемъ коней. Ногайскіе и крымскіе татары прятались на крутомъ берегу отъ нашихъ войскъ, а то бывало, что и наши прятались отъ нихъ. Царь Ѳеодоръ Ивановичъ, сынъ Грознаго, узналъ черезъ своихъ воеводъ, что въ одномъ мѣстѣ на рѣкѣ Воронежѣ хорошо можно отъ татаръ укрѣпиться. Узнавши это, Ѳеодоръ Ивановичъ повелѣлъ черезъ Бориса Годунова, своего помощника, на мѣстѣ этомъ городъ ставить. Было это въ 1586 году. Значитъ Воронежъ существуетъ уже около 300 лѣтъ. Городъ ставить послалъ царь Сабурова съ отрядомъ войска и повелѣлъ назвать его, по рѣкѣ, Воронежемъ. Поставить городъ въ старину значило построить острогъ. А острогомъ называлась тогда не тюрьма, какъ у насъ теперь называется, а укрѣпленіе, тоже что замокъ у нѣмцевъ и у французовъ.

Выбрали самое высокое мѣсто нагорнаго берега, порубили лѣсъ и начали стройку. Назначенное мѣсто стали огораживать высокими стѣнами. Лѣса кругомъ хорошаго дубоваго много—было изъ чего строить. Стѣны сдѣлали вышиной въ двѣ сажени, а шириной въ сажень, такъ что сторожевые могли ходить по нимъ и издали видѣть врага. Сложены стѣны были изъ крѣпкихъ дубовыхъ бревенъ, а сверху покрыты тесомъ. На стѣнахъ поставлено было семнадцать сторожевыхъ башенъ, также бревенчатыхъ. Башни вышешной по семи сажень. Подъ башнями шли ворота. Отъ одной изъ башенъ велъ къ рѣкѣ подземный ходъ. Тамъ на

родникахъ устроенъ былъ колодезь, чтобы въ случаѣ осады выходить на берегъ за водой было безопасно, иначе легко можно было попасться татарину въ руки. Со стороны рѣки стѣны не было, тутъ трудно было подкрасться на лодкѣ или подплыть незамѣченнымъ: пока стали бы взбираться по крутизнѣ, сторожевые пострѣляютъ изъ самопаловъ, да изъ луковъ. Вокругъ стѣнъ окопались валомъ. Въ срединѣ острога поставили соборъ во имя Благовѣщенія. Онъ такъ былъ высокъ, что виднѣлся изъ-за стѣны. Для войска поставили избы. На стѣнахъ установили 42 пушки. На колокольнѣ повѣсили вѣстовой колоколъ, чтобы въ случаѣ опасности бить тревогу. Въ готовомъ острогѣ поселились солдаты, называвшіеся служилыми людьми.

За стѣнами острога поселились торговцы, ремесленники, мало по малу устроился посадъ, вторая часть города. Вокругъ посада шла стѣна изъ толстыхъ заостренныхъ дубовыхъ столбовъ, стоямя поставленныхъ въ защиту отъ татаръ.

Вокругъ посада понастроились еще слободы, все равно что наши деревни; въ нихъ жили крестьяне. Слободы Чижовка и Ямская и до сихъ поръ сохранились. Церквей въ началѣ было четыре, но мало по малу число ихъ увеличилось.

Жители помѣщались въ избахъ съ сѣнями, съ двумя воротами, одни на улицу, другія на задворки, какъ и теперь по деревнямъ.

Мирная жизнь жителей временами нарушалась набѣгами: крымцевъ, ногайцевъ, а иногда и нашихъ разбойничьихъ шаекъ. Случалось, что вдругъ ночью или утромъ въ разгаръ работы раздавался набатъ вѣстоваго колокола изъ острога. Жители хватали все, что могли и бѣжали въ острогъ спасаться. Если опасность была незначительна, всѣ скоро успокоивались и расходились по домамъ, иногда приходилось выдерживать и долгую осаду.

Такъ шла жизнь изо дня въ день, старые умирали, молодые росли, и годы текли за годами.

II.

Воронежъ при Петрѣ Великомъ.

Сталь на царство Петръ Великій. Кто не знаетъ какъ онъ о своемъ царствѣ заботился, какъ хотѣлъ онъ, чтобы подданные жили достаточнѣе и умнѣ были, а для этого находилъ, что имъ^н надобно съ другими народами знаться, ѣздить къ нимъ, торговать съ ними. Ёздить тогда безопаснѣе, удобнѣе и легче было моремъ (желѣзныхъ дорогъ никто еще и во снѣ не видалъ), поэтому Петръ заботился, чтобы какъ можно больше путей къ морю найти и кораблей построить. И вотъ задумалъ онъ черезъ Донъ, къ Азову пробраться, покорить крымцевъ и турокъ, взять Азовъ и черезъ это открыть себѣ доступъ къ Черному морю. А такъ какъ рѣка Воронежъ, притокъ Дона, и городъ Воронежъ стоялъ близъ слиянія этихъ двухъ рѣкъ, то Петръ обо всемъ этомъ подумалъ и выбралъ Воронежъ мѣстомъ для стройки кораблей, потомъ и для торговли лѣсомъ. Лѣсу кругомъ было много и все строевой дубовый.

Приѣхавъ въ Воронежъ, Петръ Великій поселился въ немъ, чтобы самому смотрѣть какъ верфь *) поставятъ, какъ стройку начать. Поселился царь на скатѣ берега, недалеко отъ рѣки, въ простой хатѣ съ двумя горницами. Построили ему только поварню, да баню, съ двумя красными **) окнами, съ окончинами стеклянными (тогда изъ слюды окна дѣлались, стекла были дороги) съ печью израсцовою. Называли всѣ эти постройки „Государевъ шатеръ на Воронежѣ“.

Такъ записано въ бумагахъ того времени.

Верфь поставили на островѣ или скорѣе просто на рѣчной отмели. Было это зимою 1695 г. Въ мартѣ мѣсяцѣ, началась стройка судовъ. Изъ Тулы доставлено было по рѣкѣ самое крѣпкое дерево: дубъ, вязъ и ясень. Работы

*) Зданіе для постройки кораблей.

**) Хорошими.

производились подъ присмотромъ иностранныхъ мастеровъ, а сначала и самого Петра. Онъ писалъ о себѣ въ Москву: „А мы по приказу Божию къ прадѣду нашему Адаму, въ потѣ лица ѣдимъ хлѣбъ свой“... И самъ царь работалъ и другихъ заставлялъ. Изъ посадовъ, изъ деревень [согнано было множество народа, подвозить лѣсъ, строить и содержать войска. Народу это конечно было тяжело, начались побѣги, поджоги. Многіе оказались Петромъ недовольны; за то были люди понимавшіе его, старавшіеся ему помочь. Особенно много помогалъ ему воронежскій архіерей Митрофаній, будущій святитель.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1696 года построено было уже 29 судовъ большихъ, да 1,500 маленькихъ, и Петръ Великій съ новымъ флотомъ отправился внизъ по Дону къ Азову, который и взялъ послѣ упорной осады.

Но и послѣ взятія Азова работы на верфи продолжались, и Петръ самъ нѣсколько разъ бывалъ въ Воронежъ. Спустя восемь лѣтъ, по случаю обмеленія рѣки Воронежа, что затрудняло доставку лѣса и отправленіе флотиліи, стали строить суда по близости Воронежа въ г. Тавровѣ, а потомъ во вновь основанномъ Петербургѣ.

Пребываніе Петра имѣло большое вліяніе на жителей Воронежа: торговые люди стали богатѣть, народъ же обѣднѣлъ, такъ какъ земледѣліе на время было брошено. Въ народѣ до сихъ поръ помнятъ Петра Великаго, много рассказываютъ про него и поютъ пѣсни. Наружный видъ города также измѣнился при Петрѣ. Стѣны острога къ тому времени сильно подгнили, разваливались. Городъ больше сталъ застраиваться у рѣки и около верфи. Со взятіемъ же Азова нечего было опасаться нападенія татаръ, и изъ военной крѣпости Воронежъ сталъ дѣлаться мирнымъ городомъ.

Городъ раздѣлился на три части самъ собою: 1) На мѣстѣ стараго острога, у Благовѣщенскаго собора, гдѣ жилъ архіерей, живетъ духовенство, 2) верфь, 3) рабочій и купе-

ческій посадъ. Стали строиться правительственныя зданія и школы.

Вскорѣ по отбытіи царя, начались пожары и такіе сильныя, что сгорѣло все петровское а потомъ и до петровское. Городъ вновь сталъ застраиваться больше по горѣ. Отъ Петра осталась только верфь на островѣ, тамъ теперь яхтъ-клубъ, чихаузъ, какъ называетъ его народъ. А отъ древняго, страшнаго когда-то татарамъ, острога, величественно возвышавшагося на крутомъ берегу съ своими башнями—не осталось ничего.

III.

Воронежъ настоящаго времени.

Теперь Воронежъ можно раздѣлить на горную и подгорную часть, на болѣе богатую и на болѣе бѣдную. Границей имъ служить Большая Дворянская улица, идущая по краю спуска съ горы вдоль рѣки. Отъ нея, съ угловъ поперечныхъ улицъ открывается далекій видъ на рѣку и на степь. Главная часть Дворянской улицы обсажена пирамидальными тополями, мощена известковымъ камнемъ похожимъ на булыжникъ. На Дворянской улицѣ всѣ главныя присутственныя мѣста, гимназіи, семинарія, домъ губернатора, больница, лучшая гостинница, магазины. По общему виду зданія конечно уступаютъ петербургскимъ и московскимъ, и хотя нѣтъ дома выше трехъ этажей, но улица широкая и красивая. Экипажей ѣздитъ много, изрѣдко попадаютъ и кареты, особенно въ праздникъ. Въ праздники на Дворянской бываетъ гулянье; купечество, чиновники, гимназисты и гимназистки сплошной толпой ходятъ по солнечной сторонѣ ея. Цѣлыми толпами останавливаются и любятъся на катающихся въ богатыхъ экипажахъ.

Чѣмъ дальше отъ Дворянской улицы на право, и особенно подъ гору, тѣмъ ниже становятся дома, тѣмъ кривѣе и уже

улицы, немощенныя, грязныя. Далѣе дома превращаются въ лачужки, въ мазанки, вмѣсто заборовъ плетни, вмѣсто деревянныхъ или желѣзныхъ крышъ — солома. Войдешь внутрь лачужки — духота страшная, топятъ соломой, гречишной шелухой (дрова очень дороги). Живутъ въ нихъ мѣщане, мастеровые, извозчики. Издали-же, особенно при солнцѣ, хатки эти, выбѣленные мѣломъ, ихъ соломенные крыши, плетни красиво выдѣляются на голубомъ небѣ. Вблизи хатокъ у рѣки растетъ развѣсистая береза, поютъ пѣтухи въ деревнѣ.

Съ рѣки и съ единственнаго мѣста черезъ рѣку Воронежъ видъ чрезвычайно красивъ. Всѣ выступы горы, весь скатъ, все точно усыяно разноцвѣтными домиками съ пестрыми крышами, а надъ ними высятся главы церквей и колоколенъ. Вечеромъ и ночью огоньки въ домахъ представляются совсѣмъ какъ иллюминація. Надъ всѣми церквями возвышается Митрофаньевскій монастырь. Онъ обнесенъ высокой стѣной и какъ будто напоминаетъ тотъ острогъ, который когда-то былъ на его мѣстѣ. Отъ монастыря идетъ Большая Московская улица прямо на базарную площадь.

Садовъ въ Воронежѣ много, всѣ въ центрѣ города. Есть городской садъ Петровскій, гдѣ находится очень хорошій памятникъ Петру Великому. Петръ стоитъ въ своемъ обыкновенномъ кафтанѣ, въ ботфортахъ, смотритъ впередъ и указываетъ рукою въ даль. Про него сложилась такая поговорка: „Царь Петръ по смерти строга, смотритъ на комисаріатъ *) и показываетъ на острогъ“. Есть еще Кольцовскій садикъ, гдѣ стоитъ бюстъ извѣстнаго нашего поэта Кольцова. Кто не знаетъ его! кто не знаетъ: „Ну тащися сивка“ Будетъ устроенъ еще садъ Никитинскій, тамъ поставятъ памятникъ Никитину, другому извѣстному поэту; что за прелесть его стихотвореніе.

„Ночлегъ въ деревнѣ“. Помните:

Душный воздухъ, дымъ лучины,
Подъ ногами соръ,

*) Правительственное мѣсто.

Соръ на лавкахъ, паутины
По угламъ узоръ;

* * *

Закопѣлыя палаты,
Черствый хлѣбъ, вода,
Кашель пряжи, плачъ дитяти,
О, нужда, нужда!
Мыкать горе, вѣкъ трудиться,
Нищимъ умереть....
Вотъ гдѣ нужно бы учиться
Вѣрить и терпѣть.

Или его „Ключъ“ помните?

Въ глубокомъ ущельѣ, межъ каменныхъ плитъ,
Серебряный ключъ одиноко звучить;
Звучить онъ и точить жемчужныя слезы
На черныя вѣтки засохшей березы,
И катятся съ камня тѣ слезы ручьемъ,
Безплодно теряясь въ ущельѣ глухомъ.

Оба эти поэта родились, жили и похоронены въ Воронежѣ. Когда нибудь поговоримъ о нихъ, но прежде я хочу рассказать вамъ о томъ человѣкѣ, про котораго Петръ Великій сказалъ: „Не осталось у меня такого старца“.

IV.

Святитель Митрофаній.

Въ 1623 году въ одной изъ деревень Владимірской губерніи у родителей духовнаго происхожденія родился сынъ Михаилъ. По тому времени воспитаніе онъ получилъ хорошее, учили его больше всего священной исторіи. О дѣтствѣ Михаила и его молодыхъ лѣтахъ до насъ почти ничего не дошло, извѣстно только, что онъ велъ жизнь очень умѣренную и былъ женатъ. Когда ему минуло сорокъ лѣтъ, жена его умерла. Ни что не привязывало его къ жизни въ обществѣ, въ міру, какъ говорятъ монахи. Дѣтей у него не было, и онъ рѣшилъ идти въ монастырь.

Монастыри тогдашніе совсѣмъ не походили на монастыри нашего времени. Ученые монахи занимались тамъ изученіемъ св. писанія, лѣтописей, житій святыхъ. Михайль поступилъ въ Золотниковскій монастырь около Суздаля, при постриженіи дали ему имя Митрофанія. Это было въ 1663 году.

Митрофаній повелъ въ монастырѣ самый строгій монашескій образъ жизни: постился, молился, исполнялъ, по повелѣнію старшихъ, всѣ работы, которыя ему назначались. Вскорѣ строгою жизнью онъ приобрѣлъ себѣ большую извѣстность вездѣ, хотя и не искалъ славы.

Случилось, что въ сосѣднемъ Яхромскомъ монастырѣ умеръ игумень, и монахи стали просить, чтобы игуменомъ назначили имъ Митрофанія. Митрофаній былъ посвященъ въ священники и сдѣланъ настоятелемъ. Прожилъ онъ въ этомъ монастырѣ лѣтъ десять и все болѣе и болѣе приобрѣталъ любовь къ себѣ своими добрыми дѣлами и заботами о другихъ.

Черезъ 10 лѣтъ патріархъ перевелъ Митрофанія въ большой Унженскій монастырь около города Галича въ Костромской губерніи. Тамъ открылось ему болѣе широкое поприще для его высокой дѣятельности. Зная миролюбивый характеръ Митрофанія, его посылали въ разные монастыри мирить монаховъ съ народомъ и со священниками, когда случались ссоры. Въ это время русское царство вело большія войны, и Митрофаній посылалъ значительныя деньги изъ монастырской казны для раздачи войску. Это дошло до царя Ѳеодора Алексѣевича, старшаго брата Петра Великаго, онъ полюбилъ за это Митрофанія, посылалъ ему драгоценныя вещи для украшенія церкви и наконецъ вызвалъ его къ себѣ въ Москву. Вскорѣ царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ скончался, а Митрофанія назначили архіереемъ во вновь открывшуюся епархію въ Воронежѣ. Это произошло въ 1682 году, когда Митрофанію было уже 59 лѣтъ. Въ Москвѣ онъ присутствовалъ при вѣнчаніи на царство царевичей Іоанна и Петра и случайно поднесъ еще ребенку Петру вѣнецъ царскій.

Въ Воронежѣ Митрофанію еще болѣе прибавилось дѣла. Онъ прожилъ тамъ почти 20 лѣтъ, царь Петръ успѣлъ вырасти и сдѣлаться преобразователемъ Россіи. Митрофаній наставлялъ и исправлялъ священниковъ, самъ проповѣдовалъ народу, чтобы не забывали Бога, любили другъ друга, трудились и не придавали значенія богатству. Жизнью своей подавалъ примѣръ и жилъ такъ, какъ говорилъ: каждый могъ приходить къ нему совѣтоваться, рассказывать про свои нужды, горе, грѣхи. Порочныхъ онъ старался исправить, хорошихъ поощрять, огорченныхъ утѣшалъ. Кто нуждался, не имѣлъ пристанища, тотъ могъ жить у него. Больныхъ онъ бралъ къ себѣ и лечилъ; убогіе, слѣпые, хромые, безногіе годами жили у него. А тѣ больные и бѣдные, которые не жалуются, не ропшутъ, никуда не ходятъ, переносятъ все терпѣливо, тѣхъ самъ находилъ Митрофаній, помогалъ имъ, утѣшалъ.

Онъ тратилъ на это всѣ свои деньги, а себя ограничивалъ во всемъ. Намъ остался портретъ святителя Митрофанія, написанный съ него. Роста онъ былъ небольшого. Черты лица имѣлъ неправильныя, мелкія. Волосы были у него темныя, негустыя, борода небольшая. Выраженіе темныхъ, небольшихъ глазъ его и всѣхъ чертъ лица было очень доброе, благое. Одѣвался онъ просто, блеска не любилъ и даже изображенъ на портретѣ безъ митры.

Каждый день святитель Митрофаній послѣ молитвы тихой своей походкой обходилъ всѣхъ живущихъ у него несчастныхъ, утѣшалъ ихъ, ободрялъ, потомъ шелъ въ приемную, гдѣ всегда ждало его много бѣдныхъ и богатыхъ. Онъ выслушиваетъ каждого, кому даетъ совѣтъ, кому наставленіе, кому деньги.

Вотъ онъ въ темницѣ; тамъ, въ низкомъ подземельѣ, безъ свѣта и безъ воздуха, находятся несчастные прикованные на цѣпь въ истлѣвшей грязной одеждѣ. Тогда заключеннымъ было тяжелѣе, чѣмъ теперь, теперь тюрьмы выстроены по возможности удобныя, теплыя. А тогда зимой мерзли, лѣтомъ

задыхались отъ жары. Къ каждому подходитъ Митрофаній, каждого утѣшаетъ, обнадеживаетъ, что попросить за него царя, перевязываетъ затекшія руки и ноги.

Вотъ онъ на верфи. Тысячи народа тамъ на тяжелой работѣ, кто таскаетъ бревна, кто распиливаетъ, кто сколачиваетъ доски, кто прилаживаетъ мачты на готовыхъ судахъ. Шумъ, суета, грохотъ, стукъ топоровъ, лязгъ пилъ. Солнце страшно печетъ, со всѣхъ льются ручьи пота. Нѣмцы распоряжаются, кричатъ ломанымъ русскимъ языкомъ, бранятся. Своей тихой походкой подходитъ къ нимъ Митрофаній. Всѣ уже знаютъ его, любятъ, не разъ помогаль онъ имъ въ болѣзняхъ, въ горѣ помогаль ихъ семьямъ. Всѣ окружаютъ его. Онъ увѣщаетъ ихъ не роптать, терпѣливо работать, объясняетъ имъ какъ важенъ флотъ для царства русскаго, какъ поможетъ онъ избавиться имъ отъ враговъ, и рабочіе успокоенные имъ съ большимъ рвеніемъ принимаются за свою тяжелую работу.

Не однимъ своимъ вліяніемъ помогаль святитель Митрофаній царю. Когда не хватало у царя денегъ на окончаніе работъ, на уплату войску, Митрофаній изъ своихъ денегъ оставшихся отъ раздачи бѣднымъ даваль ему. Когда не хватало у него, уговариваль богатыхъ купцовъ дѣлать пожертвованія.

За все это Петръ такъ любилъ и уважалъ Митрофанія, что при проѣздахъ своихъ черезъ Воронежъ, всегда перваго его посѣщаль и подолгу говорилъ съ нимъ и совѣтовался. И самъ святитель Митрофаній любилъ Петра и цѣнилъ царя-работника, но случилось такъ, что и ему показаль онъ силу свою, показаль, что за вѣру православную онъ готовъ умереть. Петръ въ одно изъ пребываній своихъ въ Воронежѣ украсилъ снаружи верфь и ворота, въ нее ведущія, статуями. Статуи эти изображали языческихъ боговъ и богинь. Петръ переняль это отъ европейскихъ государствъ. Тамъ народъ привыкъ къ статуямъ, а у насъ это было не въ обычаѣ, и народу онѣ могли показаться идолами языческими.

Разъ Петру на работѣ на верфи понадобилось видѣться и посовѣтоваться съ Митрофаніемъ, и онъ послалъ за нимъ. Митрофаній, какъ всегда, пѣшкомъ идетъ къ верфи и вдругъ видитъ разставленныя большія статуи. Онъ сейчасъ же повернулся и пошелъ назадъ. Его огорчили и испугали эти статуи, онъ боялся, что народъ приметъ ихъ за идоловъ и еще пожалуй усумнится въ вѣрѣ своей православной.

Царю сказали, что Митрофаній шелъ къ нему и возвратился назадъ. Петръ не могъ понять причины этого и послалъ за нимъ во второй разъ. Митрофаній велѣлъ сказать ему: „пока государь не велитъ снять идоловъ языческихъ, которые могутъ пошатнуть народъ въ вѣрѣ, онъ не придетъ къ нему“.

Посолье передалъ эти слова Петру. Петръ, какъ извѣстно, былъ очень добръ, но вспыльчивъ и привыкъ, чтобы его слушали съ перваго слова. Разсерженный онъ часто бывалъ жестокъ и поступалъ необдуманно. Такъ и тутъ было. Онъ страшно разсердился, забылъ все, забылъ какъ любилъ, какъ уважалъ Митрофанія, какъ много сдѣлалъ для него Митрофаній и велѣлъ сказать ему, что если онъ не придетъ сейчасъ же и послушается своего царя, то будетъ казненъ какъ преступникъ.

Митрофаній спокойно отвѣчалъ послу: „Я не боюсь смерти. Лучше умереть, чѣмъ изъ боязни и ради угожденія человѣку согласиться на поставленіе идоловъ для соблазна православнаго народа“.

Петръ былъ очень огорченъ этимъ отвѣтомъ, но первый безразсудный гнѣвъ его прошелъ, и онъ не думалъ уже о казни своего любимаго старца, хотя и не примирился еще съ нимъ.

Вдругъ вечеромъ слышитъ онъ благовѣстъ въ соборной церкви, въ большой колоколъ. На завтра никакого праздника не было, царь удивился и послалъ спросить у Митрофанія, что это значить. Митрофаній велѣлъ сказать ему:

„Мнѣ какъ преступнику словомъ царскимъ изрѣчена казнь смертная, и я, приготовляясь къ смерти, спѣшу помолиться“.

Царя такъ тронула эта твердость, эта готовность умереть за свои убѣжденія, что онъ забылъ весь гнѣвъ свой. Совѣсть мучила его. Онъ сейчасъ же велѣлъ снять статуи и послалъ сказать Митрофанію, что онъ не будетъ казненъ и что статуи нѣтъ болѣе.

Тогда Митрофаній согласно своему слову, сейчасъ же пришелъ къ царю. Царь принялъ его съ радостью и съ тѣхъ поръ еще болѣе сталъ уважать и любить Митрофанія.

Такъ среди заботъ, трудовъ и молитвы прошла жизнь святителя. Онъ дожилъ до семидесяти лѣтъ и самъ чувствовалъ какъ упадаютъ силы его, какъ приближается онъ къ смерти. Онъ оставилъ духовное завѣщаніе, имъ самимъ написанное, къ священникамъ и ко всѣмъ людямъ. Вотъ его слова ко всякому человѣку: „употреби трудъ, храни мѣрность (умѣренность), богатъ будеши. Воздержанно ядь: здравъ будеши. Твори благо, бѣгай зла“...

Послѣдніе часы жизни своей онъ очень страдалъ, но молился все время. Царь Петръ случайно въ часъ кончины его пріѣхалъ въ Воронежъ и какъ всегда поторопился навѣстить своего старца. Онъ успѣлъ поцѣловать его холодящую руку и, припавъ къ постели его, заплакалъ.

Святитель скончался 23 ноября 1703 года, значить 177 лѣтъ тому назадъ. Съ этого времени 23 ноября празднуютъ его память.

Когда въ городѣ узнали о кончинѣ Митрофанія, всѣ страшно опечалились. Всякій потерялъ въ немъ, кто утѣшителя, кто помощника, кто защитника, кто отца. Почти въ каждомъ домѣ плакали и горевали, толпы народа поклонялись тѣлу его.

При погребеніи его 4 декабря были тысячи народу, не только воронежскихъ жителей, но и изъ окружающихъ селъ и городовъ.

Петръ Великій съ своими помощниками былъ при погре-

беніи, и когда духовенство хотѣло вынести гробъ святителя Митрофанія изъ дома въ церковь, Петръ обратился къ свитѣ своей и сказалъ: „Стыдно намъ будетъ, ежели мы не засвидѣтельствуемъ своей благодарности сему благодѣтелю-пастырю отданіемъ ему послѣдней чести. И такъ вынесемъ его тѣло сами“... И поднявъ гробъ со своими помощниками понесъ его въ церковь.

Изъ церкви опять царь со свитою донесъ гробъ до могилы и опустилъ его въ землю. Раздавались рыданія и чтенія народа.

Вмѣсто всякой длинной рѣчи надъ могилой его, Петръ Великій сказалъ: не осталось у меня такого святаго старца. Да будетъ ему вѣчная память!...

Исполнились слова великаго государя. Почти двѣсти лѣтъ прошло по кончинѣ его, а память о немъ въ народѣ не умерла. Тысячами каждый годъ ходятъ ко гробу его и просятъ его какъ прежде живаго, такъ теперь на небѣ, помочь имъ своей молитвой у престола Божія. И многіе, по вѣрѣ своей, получаютъ облегченіе.

V.

Въ 1831 году при передѣлкѣ стараго Благовѣщенскаго собора былъ найденъ въ склепѣ непокрытый гробъ святителя Митрофанія и въ немъ нетлѣнныя мощи его. И въ 1832 году Митрофаній былъ признанъ святымъ и произошло торжественное открытіе мощей его.

6-го августа, въ день Преображенія съ самаго ранняго утра было видно необыкновенное оживленіе въ Воронежѣ. Тысячи народу собрались у Благовѣщенскаго собора, откуда св. мощи должны были переноситься на время перестройки собора въ соборъ Архангельскій.

Послѣ обѣдни во всѣхъ церквахъ начался благовѣсть. Народъ все прибывалъ и прибывалъ на площадь. Кромѣ во-

ронежцовъ были богомольцы пріѣхавшіе изъ всей Россіи; собралось всего до 50 тысячъ народу.

Благовѣсть разносится по всему городу. Изъ всѣхъ церквей приближается къ собору духовенство въ праздничныхъ ризахъ съ хоругвями, крестами и иконами.

Небо, съ утра закрытое тучами, вдругъ прояснилось, и солнце яркими пятнами блеститъ на крестахъ, на хоругвяхъ, на свѣтлыхъ ризахъ священниковъ.

Около 2-хъ часовъ вышли на площадь два архіерея, и священное шествіе двинулось въ соборъ при пѣніи псалма: „Благословлю Господа во всякое время“.

Въ соборѣ архіереи кадили сначала иконамъ и мощамъ, обходя могилу, въ которой лежали мощи, и окропили святой водой новую кипарисную раку *), покровъ и широкія ленты, на которыхъ надобно было поднять мощи изъ могилы.

Всѣ присутствующіе опускаются на колѣни. Протодьяконъ говоритъ:—Святителю помолимся?—Пѣвчіе поютъ:—Святителю, отче Митрофане, моли Бога о насъ!.. Два священника сходятъ въ могилу, подкладываютъ ленты подъ гробъ. Концы ихъ подають стоящимъ на верху. Мощи начинаютъ поднимать. Тишина полная въ храмѣ. Мощи показываются на верхъ. Всѣ кланяются до земли. Гробъ кладутъ въ раку и закрываютъ покровомъ.

Начался молебенъ. Послѣ него 12 священниковъ поднимають раку для перенесенія въ Архангельскій соборъ. Шествіе двигается въ строгомъ порядкѣ: впереди хоругви, за ними пѣвчіе, масса священниковъ съ крестами и образами. Четыре священника несутъ образъ святителя. За нимъ высоко колеблются кисти балдахины, а подъ нимъ святая рака.

Шествіе выходитъ на площадь, народъ бросается на колѣни.

---

*) Такъ называется гробъ, гдѣ лежатъ мощи.

Въ Архангельскомъ соборѣ мощи поставили на возвышеніе предъ алтаремъ. Начался опять молебенъ.

Въ 6 часовъ вечера служили всенощную, за которой народъ началъ прикладываться къ мощамъ. Это продолжалось всю ночь.

На другой день послѣ обѣдни богатое купечество устроило обѣдъ для бѣдныхъ и богомольцевъ, на 10 тысячъ человѣкъ. Вечеромъ была иллюминація.

Черезъ годъ мощи перенесены были въ Благовѣщенскій соборъ.

VI.

Въ 1836 году при Благовѣщенскомъ и Архангельскомъ соборѣ и Митрофаньевской церкви учреждень мужской монастырь подъ именемъ Митрофаньевскаго.

Еще издали, съ рѣки и съ базарной Большой Московской улицы видѣнъ монастырь. Высокія, толстыя стѣны окружаютъ его, въ нихъ устроены монашескія кельи. Высоко надъ стѣнами висится колокольня и пять главъ Благовѣщенскаго собора съ круглыми синими куполами, осыпанными золотыми звѣздами. Стѣны монастыря и храмы окрашены въ зелено-голубоватый цвѣтъ.

Около монастыря и въ немъ самомъ находятся образныя лавки. Входъ внутрь ограды черезъ небольшую калитку въ стѣнѣ. Служба бываетъ почти всегда въ Благовѣщенскомъ соборѣ.

Внутри соборъ этотъ величественъ и красивъ. Видъ его крестообразный, средину поддерживаютъ высокія четырехугольныя колонны. Наверху идутъ хоры. Направо отъ входа въ глубинѣ собора помѣщается рака, налѣво—образъ Богородицы, украшенный искусственными цвѣтами.

Мощи помѣщаются теперь въ прекрасно—сдѣланной серебряной ракѣ, въ видѣ гробницы съ балдахиномъ. Ее заказывали воронежскіе купцы на заводѣ Полтавцева, она стоила 45 тысячъ рублей. На балдахинѣ изображенъ образъ

святителя. На ракъ по сторонамъ барельефы, изображающіе Петра I, несущаго гробъ, а внизу слова сказанныя имъ при погребеніи: „Стыдно намъ будетъ, если мы незасвидѣтельствуемъ своей благодарности сему благодѣтелю-пастырю, не отдадимъ ему послѣдней чести“.

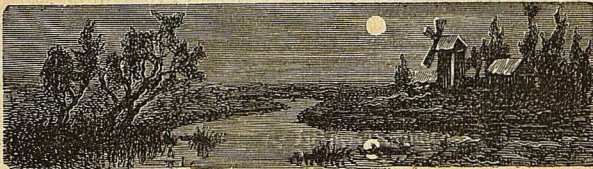
Иконостасъ высокъ и красивъ; образа писаны въ Москвѣ.

Въ ризницѣ собора много драгоценностей, между ними замѣчательны:

- 1) Плащаница сдѣланная еще при жизни Митрофанія.
- 2) Большое Евангеліе серебряное, тоже при немъ заказанное.
- 3) Чудотворная мантия святителя.
- 4) Золотой покровъ для раки, присланный императоромъ Николаемъ Павловичемъ.
- 5) Завѣщаніе св. Митрофанія и много другихъ драгоценностей.

Изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ приходитъ ежегодно народъ поклониться святому угоднику; молится ему и уходитъ утѣшенными.

Н. Капустина.

ДУМА.

ЕЧЕРЬ лѣтній, вечерь тихій...
Солнышко садится...
Горы прячутся въ туманы,
Пыль столбомъ клубится.

У землянки рыболовы
Развязали сѣти,
Разыгрались возлѣ дѣда
Беззаботно дѣти.

Бѣлорозовыя ветлы
Вѣтерокъ качаетъ...
Старушенка у залива
Хворостъ собираетъ.

Вечеръ лѣтній, вечерь тихій,
Пѣсни гуль игривый,
Вы напомнили сторонку
Дорогую живо...

Садикъ маленькій, вишневый,
Небольшую хатку,
Старика-отца сѣдого,
Да родную матку.

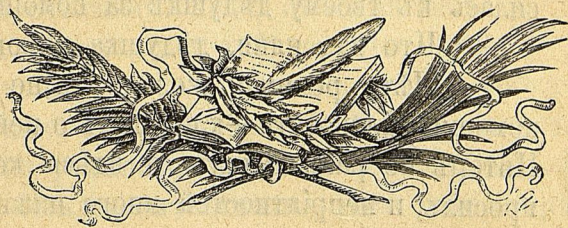
Думы! думы! мои думы!
Вольными крылами
Въ сладкозвучную отчизну
Полетѣлъ бы съ вами!

Да подсѣкли крылья воли,
Знать, мечту покинуть,
Загубить таланъ и долю,
На чужбинѣ сгинуть.

Вечеръ лѣтній, вечеръ тихій...
Солнышко садится...
Горы прячутся въ туманы,
Пыль столбомъ клубится...

Н. Лановъ.

Сызрань.

МОЯ НЯНЯ.

ОНА, няня, была согласна? спрашиваю я.

— Нѣтъ, дитятко, она ничето этого и не знала, какъ получаетъ вдругъ бумагу съ приказаніемъ: очистить немедленно усадьбу и передать имѣніе въ законное владѣніе князя С., за что ей назначено 300 рублей вознагражденія. Вотъ она и бросилась къ твоему дѣдушкѣ за помощью.

— Что же, няня, дѣдушка помогъ ей?

— Нѣтъ, родимая, желалъ, да не могъ оказать помощи.хлопотать—хлопоталъ о ней много: и въ Питерь не разъ ѣздилъ, и здѣсь кого слѣдуетъ просилъ, и непріятностей много нажилъ, и денегъ пропасть убилъ—да ничего изъ этого не вышло. Такъ имѣніе за княземъ и осталось! Вотъ когда онъ увидѣлъ, что ея дѣло потеряно, то и сказалъ ей: ну, матушка, Прасковья Ивановна, ничего я для васъ сдѣлать не могъ, но, по крайности, прошу васъ принять мой кровъ, можете переѣхать съ вашимъ Грѣшей ко мнѣ и жить здѣсь до скончанія вашего вѣка. Домъ у меня великъ, мѣста на всѣхъ хватитъ, а обиды вы не увидите и попрековъ не услышите ни отъ кого, въ этомъ порукой вамъ—я!

— Что же, няня, она переѣхала?

— Переѣхала, дитятко, и какъ ужъ благодарна была, я

тебѣ и сказать не могу! Такъ здѣсь до конца жизни и прожила. Отвелъ ей дѣдушка флигелекъ въ три комнатки, поставилъ къ ней въ услуженіе одну сѣнную дѣвушку, да мальчонка лѣтъ пятнадцати—значитъ, въ ея полное распоряженіе ихъ отдалъ—обѣдала она завсегда за однимъ столомъ съ господами, а тамъ, на счетъ завтрака, чая или кофея могла себѣ всегда требовать чего ей желалось; сынишку ея дѣдушка одѣвалъ и училъ вмѣстѣ со своими дѣтьми, а ей дѣлалъ подарки и деньгами, и платьемъ, однимъ словомъ—ни въ чемъ она нужды не знала. Прожила она такимъ манеромъ годъ, другой и смотришь—совсѣмъ своя въ домѣ стала, дѣло ли какое затѣялось, бѣда ли какая приключилась, Праксковья Ивановна всегда на совѣтъ призывается! Да и то надо сказать, была она человѣкъ хорошій и всѣми любимый, вся прислуга и та не нахвалилась ею, никто отъ нея кромѣ ласки, да добраго слова ничего не видѣлъ, а что касается господъ, то она ихъ страсть какъ любила, просто души въ нихъ не чаяла и всю ихъ семью за свою родную семью почитала.

— А что сдѣлалось, няня, съ ея сыномъ?

— А вотъ подожди, я тебѣ все по порядку расскажу: Григорій Семенычъ, т. е. Гришенька, росъ вмѣстѣ съ нашими барчатами, былъ онъ мальчикъ бойкій, смысленный, изъ себя пригожій: румяный, статный, черноглазый, просто козырь малый! Учился онъ отлично, всѣ губернеры имъ не нахвалились, говорили, что онъ дескать гораздо лучше нашихъ барчатъ учится, чего тѣ не знаютъ, то онъ завсегда знаетъ, чего тѣ не поймутъ, то онъ пойметъ да еще имъ расскажетъ. Твой покойный дѣдушка очень любилъ его, ласкалъ и никому обижать не позволялъ. А твои дяденьки были озорники порядочные, особливо старшій—твой папенька былъ тогда совсѣмъ еще махонькій, наверху съ нянькой сидѣлъ, да ходить обучался—и Гришенька отъ него порядкомъ таки терпѣлъ, только никогда онъ объ этомъ никому не говорилъ и не жаловался, даже матери родной и то ничего не сказывалъ. Вотъ приходитъ это онъ разъ въ классную комнату,

учителя еще не приходили и сидятъ это твои дяденьки одни; только что онъ отворилъ дверь, какъ старшій то обернулся къ младшему да и говоритъ:—ишь, найденышъ какъ заважничался, послѣдній въ классъ приходитъ! Гриша покраснѣлъ только и молчитъ, а младшій отвѣчаетъ:—полно глупости городить, лучше учи урокъ, вѣдь ты ничего не знаешь! А тотъ все не унимается:—что, говоритъ, на меня глаза уставилъ? Я правду сказалъ, найденышъ, господскій приемышъ, отецъ, изъ сожалѣнія, съ улицы поднялъ, потому что васъ съ матерью выгнали и вамъ пришлось бы съ голоду умирать, если бы онъ не приютилъ васъ!

— Какъ вамъ не стыдно говорить мнѣ это и обижать меня! — проговорилъ Гриша, еле удерживаясь отъ слезъ. — Вашъ отецъ очень добрый человѣкъ, я люблю, уважаю его, готовъ своей жизнью для него пожертвовать, но вы нехорошій мальчикъ! — онъ выбѣжалъ изъ комнаты и разрыдался. — А тутъ, какъ разъ, вышелъ старый баринъ, запримѣтилъ что онъ плачетъ и спрашиваетъ его:— Скажи, Гриша, о чемъ ты плачешь? Тотъ покраснѣлъ и молчитъ.—Слышишь, Гриша, я требую, чтобы ты мнѣ сказалъ всю правду. Ты знаешь очень хорошо, что я не люблю когда отъ меня таятся или когда меня обманываютъ. Говори, что случилось?—Позвольте мнѣ не говорить, проситъ Гриша. Я не могу вамъ этого рассказать. — Какъ не можешь! почему не можешь? вспылилъ было старый баринъ. Но въ это самое время вошла въ комнату младшая барышня и рассказала барину все какъ было. Она ишь была въ сосѣдней комнатѣ — за какой-то книжкой туда приходила—дверь-то была отворена, она все и слышала; она и намъ-то потомъ все это подробно рассказала.

— Ну и досталось ужъ въ ту пору старшему твоему дяденькѣ, ужъ дѣдушка пушилъ, пушилъ его, страсть! Этакий, говоритъ, мальчишка — дрянь, и смѣетъ обижать моего гостя, моего приємнаго сына, отъ котораго я по сіе время ничего не видѣлъ кромѣ хорошаго, да онъ меня радуешь

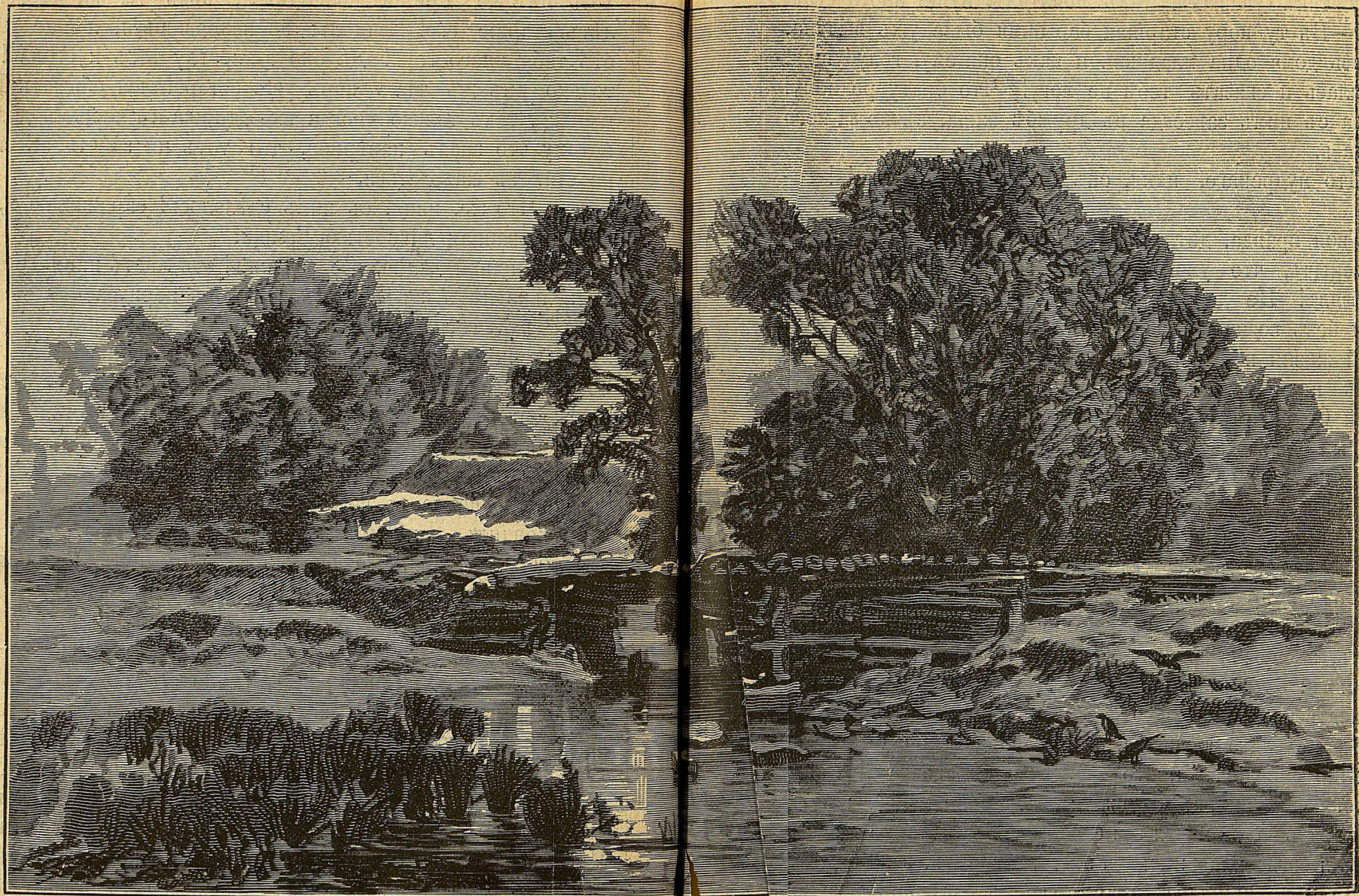

болѣе нежели ты, потому что ты лѣнтяй, учителя тобой вѣчно недовольны, постоянно на тебя жалуются, ты бы хоть того же Гриши постыдился, вѣдь ты на нѣсколько лѣтъ старше его! Если ты не исправишься, я еще увижу отъ тебя много горя! Да оно взаправду такъ и вышло! Ну только онъ съ тѣхъ поръ ужъ остерегался обижать Гришеньку, такъ только иногда изподтишка и главнымъ дѣломъ потому что зналъ навѣрное, что тотъ ни за что въ свѣтъ не станетъ жаловаться.

— Что же, няня, съ нимъ сдѣлалось? спрашиваю я, заинтересованная личностью Гриши.

— Слушай далѣе, все узнаешь! отвѣчаетъ няня. Черезъ нѣсколько лѣтъ отвезли ихъ всѣхъ въ корпуса—вѣдь въ то время всѣ господскія дѣти поступали въ военную службу; это теперь у васъ тамъ завелись разныя гимназіи, да университеты, гдѣ вотъ и твой братецъ обучается, а тогда ничего этого не вѣдали и всѣ дворянскія дѣти были военные. Твои дяденьки учились по прежнему плохо, еще младшій, куда ни шло, кое-какъ кончилъ и вышелъ въ офицеры, только по ученію въ гвардію не попалъ, — а старшій такъ и не кончилъ, ишь выключили его изъ корпуса. Ужъ твой дѣдушка что горя, что безпокойства съ нимъ принялъ, не приведи Богъ!—и въ Питеръ сколько разъ ѣздилъ, и хлопоталъ, и просилъ за него—вѣдь тогда никому нельзя было безъ чина оставаться, сейчасъ въ солдаты запишутъ — ну, наконецъ, куда-то его опредѣлили, по статской службѣ.—И такъ, дитятко, вышелъ какъ слѣдъ въ люди одинъ только пріемыщъ, поднятый съ улицы, какъ называлъ его твой дяденька; учился онъ отлично, кончилъ первымъ, попалъ прямо въ гвардію, всѣ имъ не нахвалились, любили и уважали, не смотря на молодые года, за его умъ и ученость. Пріѣхалъ это онъ къ намъ офицеромъ, повидаться съ дѣдушкой, да со своей матерью: красивый да статный такой, умный да ловкій, мундиръ, съ иголочки, блеститъ—дѣдушка ему тогда всю эту амуницію какъ есть справилъ—ну просто

заглядѣнье! И почтительный такой, ласковый, что къ матери, что къ старой енеральшѣ, а ужъ своего пріемнаго батюшку такъ уважалъ, такъ почиталъ, пуще иного сына роднаго!—Въ ту пору старшая барышня была ужъ выдана, оставалась дома одна младшая, и какъ она ему, голубушка, обрадовалась и сказать тебѣ не могу! Что брату родному! Вѣдь она съ нимъ завсегда въ дружбѣ жила, вѣчно за него заступалась.

— Что мудренаго, няня, онъ былъ такой хорошій! говорю я.

— Твоя правда, дитятко, душа—человѣкъ былъ Григорій Семенычъ, что умомъ, что красотой, что сердцемъ — всемъ взялъ! Не даромъ говорятъ, что доброе дѣло не остается безъ вознагражденія, твой дѣдушка, поди, не разъ въ своей жизни подумалъ объ этомъ и благодарилъ Господа, что Онъ надсумилъ его пріютить сироту. Сколько разъ Григорій Семенычъ выручалъ его изъ бѣды, да еще отъ какой бѣды однажды избавилъ. Хотя у него самого состоянія еще никакого не было, но онъ былъ въ то время уже въ чинахъ и въ общемъ уваженіи, все его почитали за честнаго, прекраснаго человѣка, его слову вѣрили и всякій готовъ былъ оказать ему услугу.

— Разъ и приходитъ вмѣстѣ съ барышней въ гостиную, гдѣ сидѣли старые господа—баринъ ишь пасьянецъ раскидывалъ, а барыня книжку какую-то читала—да бухъ имъ оба въ ноги: благословите, молъ, любимъ мы другъ дружку и повѣнчаться желаемъ! Хотя старый баринъ и не ожидалъ этого и какъ будто удивился, но скоро далъ свое согласіе, даже точно обрадовался, что его дочка будетъ замужемъ за его дорогимъ Гришей, котораго онъ шибко любилъ; ну, а наша енеральша въ началѣ и слышать объ этомъ не хотѣла, а затѣмъ и согласилась: „знать на то, говоритъ, воля божья“.

— Да и не пришлось имъ въ своемъ согласіи раскаться: барышня Алена Матвѣевна прожила свой вѣкъ счастливо, пресчастливо, жили они съ мужемъ душа въ душу,

дѣтокъ всѣхъ пристроили, въ люди вывели, самъ Григорій Семенычъ былъ въ чинахъ важныхъ, оклады получалъ большіе, сколько-то тысячъ десятинъ земли жалованной у него было. Баринъ далъ въ приданое за дочерью имѣніе и онъ его, говорятъ, какъ игрушку устроилъ: всѣ постройки вывелъ каменные, желѣзомъ крытыя, старый садъ расчистилъ, посадилъ фруктовыхъ деревьевъ, разбилъ цвѣтники, поставилъ среди сада фонталь, выстроилъ оранжереи—наши люди, которые тамъ бывали, сказывали: просто рай земной какой-то, а не имѣнье, въ его рукахъ стало.

— А съ его матерью, няня, что случилось?

— Ничего, она была еще жива, когда онъ на нашей барышнѣ женился. Хотѣли это они, молодые-то, чтобы она переѣхала жить съ ними въ Питеръ, но она не пожелала; своихъ благодѣтелей не покину, съ ними свой вѣкъ и свѣкую. Такъ она здѣсь и померла! Ты, чай, видѣла ея могилку, у церкви, рядомъ съ дѣдушкиной и бабушкиной?

— Да, няня, видѣла и надпись читала: „Здѣсь покоится прахъ Прасковьи Ивановны Быковой, представившейся на 63 году своей земной жизни. Помолитесь о ея вѣчномъ спасеніи.“

— Вотъ, когда и я помру, ты приходи молиться за меня.

— Не говори мнѣ никогда о своей смерти! воскликнула я со слезами на глазахъ, бросаясь на шею няни.

— Ну, хорошо, хорошо, это я такъ сказала, къ слову пришлось. Ну давай, я доскажу тебѣ про Григорія Семеныча: прошло нѣсколько лѣтъ и надъ твоимъ дѣдушкой стряслась новая бѣда. Твой старшій дяденька спустилъ уже въ ту пору все свое наслѣдство и отца запуталъ. Ничего этого дѣдушка не вѣдалъ, какъ вдругъ нагрязнулъ къ нему исправникъ, становой и разный полицейскій людъ, имѣніе за долги описывать.—За какіе долги? спрашиваетъ дѣдушка.—Намъ неизвѣстно! Вотъ приказаніе отъ губернатора.—Подождите—господа, говоритъ дѣдушка, дайте разузнать въ чемъ дѣло, у меня никакихъ такихъ долговъ не было. Ну, уважили его

просьбу, на время отложили! Онъ межъ тѣмъ разузналъ, понимая въ чемъ дѣло, да и пишетъ Григорью Семенычу: выручай, братъ Гриша; помоги чѣмъ и какъ можешь.

— Что же, няня, онъ помочь?

— Выручилъ, родимая, выручилъ! Все свое имѣніе заложилъ—и денежки сполна прислалъ своему названному батюшкѣ. Мы съ женой люди молодые, можемъ и постѣсниться, кое въ чемъ себѣ отказать, да и поправиться еще можемъ, а отцу на старости лѣтъ это тяжело и трудно!

Такъ вотъ каковъ онъ былъ этотъ, взятый съ улицы, сирота-приемышъ!

Въ эту минуту дверь няниной комнаты пріотворилась и показалась головка моей мамы, проговорившей:

— Лиза, чай готовъ! А вы съ няней и огня не зажигали, въ темнотѣ бесѣдуете?

— Да вѣдь мы, матушка-барыня, хорошо другъ другу знаемъ, и таково хорошо мы съ ней на лежаночкѣ пригрѣлись, я вотъ ей про старое время рассказываю, а она охотница страшная про него слушать.

Проходя съ мамой по большой залѣ нашего дома, я взглянула случайно на темные хоры и мнѣ живо представилось, какъ гремѣлъ на нихъ, въ былое время, оркестръ собственныхъ музыкантовъ и какъ моя няня, въ пунцовомъ платьѣ съ черной бархатной оторочкой и съ локонами на головѣ, танцевала матрадуръ съ моей красавицей-тетей.

Прійдя въ чайную комнату, ярко освѣщенную весело пылающимъ каминомъ, съ привѣтливо напѣвающимъ свою оригинальную пѣсенку самоваромъ, я помѣстилась за чайный столъ, рядомъ съ папой, и сказала:

— А знаешь, мама, мнѣ теперь извѣстно какой это танецъ матрадуръ!

— Какъ это можетъ быть тебѣ извѣстно?—это какой-то старинный танецъ, котораго давнымъ-давно никто не танцуетъ.

— Няня показывала мнѣ сегодня какъ его танцуютъ.

— Няня танцевала! воскликнула мама съ удивленіемъ.

— Да, мама, я ее такъ просила, такъ упрашивала показать мнѣ этотъ танецъ, что она наконецъ согласилась и протанцевала немного. А знаешь, мама, когда она была молодая, она вѣрно отлично танцевала. Она и теперь еще хорошо танцуетъ.

Папа невольно улыбнулся, а мама проговорила съ упрекомъ:

— Какъ тебѣ не совѣстно, Лиза, беспокоить старушку, она тебя любитъ и балуетъ, а ты пользуешься ея слабостью къ себѣ и заставляешь ее на старости лѣтъ танцевать, что можетъ ей быть вредно.

— Да, Лизокъ, мы втроемъ балуемъ тебя кажется на свою голову! сказалъ папа смѣясь.

— О не бойся этого, папа, проговорила я, обнимая и цѣлуя его.

Отецъ обнялъ и поцѣловалъ меня въ свою очередь.

Исполненіе „матрадура“ не причинило вреда моей старушкѣ. Она прожила еще пять лѣтъ, была бодра и здорова по прежнему, но зимой сильно простудилась и заболѣла; хотя призванный докторъ прервалъ ея болѣзнь, но здоровье ея уже не поправлялось, и силы видимо слабѣли. Съ наступленіемъ весны и теплаго времени года, она выходила, въ солнечные дни, посидѣть въ саду или на крылечкѣ и подышать свѣжимъ воздухомъ, который ужъ не укрѣплялъ ее по прежнему. Однажды, выйдя въ садъ, въ жаркій іюльскій день, я увидѣла няню, сидѣвшую, по обыкновенію, на одномъ изъ садовыхъ дивановъ, на ней было надѣто не ея обычное свѣтленькое платье, но коричневое „камлотовое“ и большой шерстяной платокъ на шеѣ.

— Милая няня, что это ты такъ закуталась, сегодня такая жара? спросила я ее.

— Полно, дитятко, какая такая жара! Я совсѣмъ издрогла, на солнышкѣ и все же не могу согрѣться. Сейчасъ пойду къ себѣ и пристроюсь на лежанкѣ, авось либо согрѣюсь. Вѣдь у меня печка топится чуть не каждый день.

Мнѣ сдѣлалось тяжело и грустно, я поняла, что меня ожидаетъ скоро вѣчная разлука съ ней.

Съ наступленіемъ осени, нянѣ становилось все хуже и хуже. Мои родители имѣли намѣреніе переселиться на всю зиму, до весны, въ Москву: братъ поступалъ въ тамошній университетъ, для меня они имѣли въ виду пригласить учителей. Но, вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія няни, наша поѣздка откладывалась день за день; какъ вдругъ, однажды, мама объявила мнѣ, что папа уѣзжаетъ завтра со мною въ Москву, а она пріѣдетъ нѣсколькими днями позже, когда устроить все для нашего переселенія въ столицу.

Я поняла, что дни няни сочтены, и мама намѣренно удаляла меня отъ тяжелаго для меня зрѣлища. Съ невыразимымъ чувствомъ тоски и горя простилась я со своимъ старымъ другомъ, слезы душили меня, моя старушка горько плакала, благословляя меня и прощаясь со мной навсегда. Мама увела меня изъ ея комнаты.

Дней десять спустя, мама пріѣхала въ Москву, на мой первый вопросъ: что „няня“, — она проговорила съ грустью:—ее нѣтъ больше, она кончила жизнь тихо, безъ страданій, вспоминая тебя до послѣдней минуты, призывая на тебя благословеніе Божіе и посылая тебѣ свою ласку и любовь. Вспоминай ее въ твоихъ молитвахъ, дитя мое.

Е. Григорова.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ
„ИГРУШЕЧКА“.

ДЛЯ ДѢТЕЙ ОТРОЧЕСКАГО ВОЗРАСТА.

Годъ Изданія Третій.

Одобрень Учебнымъ при Святѣйшемъ Синодѣ Комитетомъ для чтенія воспитанниковъ духовныхъ училищъ, библиотекъ, а также воспитанницъ женскихъ епархіальныхъ училищъ.

Въ 1882 году журналъ „ИГРУШЕЧКА“ будетъ издаваться еженедѣльно отъ 1½ до 2½ печатныхъ листовъ, съ рисунками въ текстъ и силуэтами Е. М. Бемъ. Годовое изданіе будетъ состоять изъ 50 №№, что составитъ до 100 печатныхъ листовъ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: *В. П. Аверариусъ, С. Н. Атава, М. Н. Богдановъ (проф.), Воскресенская, Геслингъ, С. Д. Дрожжинъ, гр. Е. Капицъ, Н. Н. Кузинниковъ, С. И. Лаврентьева, Н. С. Лысковъ, В. Л. Львовъ, С. И. Миропольскій, Я. П. Полонскій, А. Н. Плещеевъ, Д. Н. Садовниковъ, гр. Е. Саллясъ, А. Г. Сахарова, Н. А. Соловьевъ - Несмѣловъ, И. В. Сорокинъ (проф.), гр. Н. И. Толстая, А. Н. Толмачева, А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ), Е. Ф. Юнгъ и др.*

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ редакціи журнала „ИГРУШЕЧКА“, Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16; въ „Современномъ книжномъ магазинѣ“, Пушкинская ул., д. 4, гдѣ находится отдѣленіе конторы журнала „ИГРУШЕЧКА“, въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ и Н. Г. Мартынова. Гг. иногородныхъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставкой и пересылкой: на годъ 6 руб., на полгода 3 руб. 50 к., на 3 мѣсяца 2 р. Безъ доставки: на годъ 5 руб., на полгода 3 руб.

Редакторъ-издательница **Т. Пассекъ.**

Редакторъ-издательница **Т. ПАССЕКЪ.**

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 ноября 1881 г.

Типографія А. С. Суворина. Вртелевъ пер., д. № 11—2.

